

Семён ГУРАРИЙ

КАРТИНКИ С ВЫСТАВКИ ИЛИ ДРУГОЙ МУСОРГСКИЙ

Выставка ...

Всю жизнь мы путешествуем по некоей выставке.

Глазеем на меняющиеся картинки, созерцаем.

Порой оторваться не можем. Но чаще не замечаем их в суете, пробегаем мимо, забываем. И лишь потом вспоминаем об исчезнувшем видении. С ностальгией или с разочарованием.

Увиденное не оставляет нас.

Потому мы и рисуем, лепим, воспеваем, шаржируем. Оживляем старые картины или лихорадочно стираем их из памяти.

Или ... страстно пытаемся любой ценой стать частью картинки, пусть даже неприметной. В ход тогда идут эскизы, лейтмотивы, карикатуры, фантазии ...

Ведь по существу мы не только посетители и наблюдатели.

Мы сами – мираж, самообман, фата-моргана ...

Потому и череда реальных и воображаемых картинок не только окружает нас постоянно. Они внутри нас и не исчезает никогда.

Пробежимся же по анфиладам выставки, не имеющей ни стен, ни географии, ни примет времени. По выставке, длиною в жизнь.

ПРОГУЛКА. Попраздновать. Пропустить, прозевать, опоздать. Прогулять.

Прогулка, однако, хороша после дела. Или между делом. Или от картины к картине. Двигаясь. Путешествуя. Вроде бы беззаботно. Про-ме-жу-точ-но.

Мы – праздные бездельники, мы празднуем с удовольствием.

Хорошо! Легко! Дело уже сделано или нет, но у нас время есть.

Время смотреть по сторонам, да себя показывать.

По сути, так мы и живём во все времена. Прогуливаясь. Двигаясь то в одиночку, то в массе. То счастливо совпадая с хором и не слыша себя, то надрываясь – солистом.

И не важно, кто основную мелодию нашёл и ведёт теперь всех вперёд. То ли ты, то ли хор.

И все же: несёшься ты за хором или он за тобой? Хороший вопрос.

Мы стоим на перекрёстке. Мимо нас в разные стороны двигаются люди, толпы людей.

Каждый одержим собственной правотой, идеей.

Ощущение шагающего куда-то в оптимистическом марше единого организма. Разумеется, мы желаем непременно присоединиться. Но к кому? Какая разница. Сердце бьётся сильнее – бежать или идти – главное двигаться со всеми вместе!

И вот незаметно мы уже в толпе и устремляемся куда-то в диком марше. Мы спотыкаемся, падаем, встаём снова, лишь бы не отстать ...

Но куда мы идём? Зачем? Есть ли цель? Двигаемся мы вперёд или назад? Направо или налево? Остановиться и задуматься? Позже, позже!

К коммунизму? – Вперед! Капитализм? – Согласны!

Служить государству, отдать за него свою жизнь? – Это ли не высшая правда. Пацифистом быть? Антиглобалистом? Только на себя работать? – О Кей! Все учатся на программистов? – Почему же не мы? Бег трусцой? – Истина! Питаться по-вегетариански? – Замечательно! Голодать и худеть? Разумеется! Сексуальная революция? – Смысл жизни. Рожать под водой? – Естественно, только под водой.

Стоп! Человек должен быть не как все – быть другим, только другим! Это ли не спасительное решение? – Конечно!

Мы двигаемся. Прямо или в обход – это не главное. Важен процесс. Оставаться в строю, не сбиваться с ритма. Шаг за шагом, раз-два, раз-два!

Мы лопаемся от гордости. От единства со всеми.

Пути? По колдобинам, так по колдобинам, какие ещё там пути-дороги ...

Мы движемся. Не важно куда. Главное не сбиваться с лихого, пусть и глуповатого шага.

Всё одно, неровен час, собьют и с пути, и с ритма.

Или сам скovyрнёшься. Ведь потому что на самом деле ты не кто иной, как ... гном ...

ГНОМ. Гном, гномик, уродец ... хоть самонадеянно и прошагал изрядное время псевдо-героем в неизвестном направлении, воображая себя в гордыне не просто равным остальным, а чуть ли не вождём ...

Гримаса осознания, что ты не такой как все, пронзает как молния. В шоке замечаешь собственную хромоту, нетипичную внешность, угловатые манеры ...

Замороженные октавы. Всё видится и слышится в преувеличенном, искажённом зеркале: разорванность мира, прерывистость дыхания, судороги ритма ...

Последовательность? Движение в направлении к цели? – Бред!

Растерянность. Боль одиночества. Жалость к самому себе. Мольбы о сострадании. И прочь, прочь! От себя ли, от других ...

ПРОГУЛКА. Слышно, теперь слышно, что хор не такой уж мощный и единый. Голоса массы расщепляются и смещаются куда-то вниз, то ли в прошлое, то ли в ...

СТАРЫЙ ЗАМОК, затонувший в океане времени.

Замок, крепость, хранилище тепла. Дом.

Ностальгия по детству, по предкам, по другой жизни? Нерасторжимость времён и поколений? Непрерываемость жизненной эстафеты?

Всё созвучно в этом измерении, имеет смысл. Хоть и подтанцовывает в тумане недосказанности, размытости. Ощущение, тем не менее, потерянности.

ПРОГУЛКА. Голоса? Кто слышит их? Уже не хор, а одинокий голос. Чей? Может быть ваш? Или мой? Он истончается. Почти исчезает. Но мы не желаем доходить до края.

Укрыться бы в середине. Там наше место. Одновременно эта пресловутая срединность, мучает нас: не усреднённость ли?

Середина – сумасшедший корабль, плывущий на волнах то ли из прошлого в будущее. То ли наоборот.

Гулять со всеми, с кем-то? Лучше одному, тогда можно и примериться, прислушаться к собственным шагам, приостановиться, оглянуться, даже возвратиться ... в детство, в ...

ТЮИЛЬРИ. Помните это чудесное время ритмических заклинаний? Университет детских игр? Испытание бесконечными просьбами? Калейдоскоп наивных лукавств?

Маска беспомощности, настойчивый импульс преодоления. Поиски собственных решений. Всё как во взрослой жизни – вприпрыжку через препятствия.

БЫДЛО. Ещё не знаем мы точно что это такое, но ощущаем нечто враждебное и угрожающее. Ещё не видны его контуры, но мы слышим где-то в глубине, как приближается некая зловещая сила.

Это *нечто* ширится, заполняя всё пространство, но мы не понимаем его устройства, его природу и истоки. Мы чувствуем только страх и ужасаемся мерной, нарастающей угрозе всему живому. Тупая сила вырастает до почти что невыносимого по своей силе звучания. Однако, по-прежнему её механизм и происхождение непонятны.

Но вдруг неожиданно мы замечаем, что ритм и тон уже нам когда-то встречался. Да-да, в этом пульсе мы уже маршировали. То, что начиналось марширующим бодрым шагом, превратилось в бесчеловечные механистичные жернова.

О, ужас – это наша Прогулка! Превращение очевидно: раз-два, раз-два ...

Исчезни! Сгинь! Ещё тише, ещё ... Ритм остается, висит в воздухе ... Душа изранена, мы раздавлены. Теперь наши шаги ничто иное, как поиски спасенья в вере.

Поиски Бога.

Только как справиться с теснящим гомоном нерождённых ещё голосов? Наивное, нежданное празднество уже здесь ...

БАЛЕТ НЕВЫЛУПИВШИХСЯ ПТЕНЦОВ. Всё лишь только задуманное, неосознанное.

Всё щебечет, клокочет, квохчет, пробует голосишко, нащупывает путь к свету.

И ещё необозначившись на этом свете, уже грустит, жалуется словно бы в предощущении грядущих потерь и разочарований.

САМУЭЛЬ ГОЛЬДЕНБЕРГ И ШМУЭЛЬ. Наука чужеродности. Отчуждения. Неприятия. Всем суждено эту науку изучить: метаться между гордыней и мольбами о признании ...

Унижаться, чтобы существовать в неизбежном клубке непогоды и злобы. В непрекращающемся взаимонепонимании ...

ПРОГУЛКА. А хор и не исчезал.

Растёт и ширится. И катится в разные стороны. С той же самоуверенной лихостью. Да и что может, собственно, измениться из-за чьих-то прозрений? Ничего.

ЛИМОЖ. Стоп-кадр хора. Броуново движение, муравейник. Взвизгивания, слухи, суэта мнений, вздымающиеся волны перемен, сквозняки. А на поверку искрящийся сумасшедший рынок жизни превратится в ...

КАТАКОМБЫ. Так было и будет. Дотроньтесь до всполохов вчерашних озарений. От наших усилий, от дыхания наших надежд назавтра останутся лишь слабо фосфоресцирующие камни забвения.

Так было и будет. И не пытайтесь говорить ...

С МЁРТВЫМИ НА МЁРТВОМ ЯЗЫКЕ.

Хотя они и праздно прогуливались совсем недавно по жизни. Хотя ещё и различим полуистлевший скелет мелодии той самой прогулки.

С мёртвыми надо не разговаривать.

Не ворошить золу стенаний, усталости и равнодушия, а просто примериться сердцем к рассыпающемуся гулу столетий.

БАБА-ЯГА – это она всё придумала, эту свистопляску с гомерическим хохотом, кривляньем бессмысленных иллюзий.

Замри, вот она – бездна. Вот он – конец всему. Только он не венчает ничего. Он неошутим. Он в сердцевине. Далеко запрятан.

Скользкий холодок. Или похихотывание. И не надо ничего воспринимать всерьёз. Несись в вихре сатанинской дикой пляски всё дальше ввысь, или вглубь воронки под названием...

БОГАТЫРСКИЕ ВОРОТА. Стоит город жизни.

В колокольных перезвонах.

Во здравицу оглушающему тебя храму неизбежности.

Звонкому храму пустоты и глупого счастья.

Ощущаете вы свободу?

Этот исчезнувший слоёный пирог.

Обратную сторону тени. Вкрадчивые шаги неподалёку.

Пространство между ещё ненаписанными мелодиями.

Влюблённость в себя пословиц.

Посмотрите вокруг себя глазами новорожденного или идиота – тогда вы свободны.